Силуэт в тени

Автор:
Джон Шестаков

Силуэт в тени

Джон Беллэрс

Льюис Барнавельт #2

Приключения Льюиса продолжаются! Открыв сундук, принадлежавший дедушке Барнавельту, Льюис находит загадочную монету. Она выглядит совершенно обычной, но мальчик почему-то не хочет с ней расставаться. Вскоре начинают происходить события, которым сложно найти объяснение: приходят таинственные открытки с исчезающими чернилами, в темноте виднеются пугающие тени… Неужели со всем этим связана монета? А вдруг Льюис случайно выпустил в мир древнее зло?

Джон Беллэрс

Силуэт в тени

John Bellairs

THE FIGURE IN THE SHADOWS

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств

Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Copyright © The Figure In The Shadows ©

John Bellairs, 1975

© Е. Смотрова, перевод на русский язык

© М. Шестаков, иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2019

***

Приготовтесь к новому невероятному приключению.

Kirkus Reviews

Пугающие фантазии Джона Бэлларса воистину безграничны.

School Library Journal

Впечатляюще напряженный и страшный сюжет… Идеальная книга для будущих читателей Стивена Кинга.

Booklist

Глава первая

Льюис Барнавельт стоял у края площадки и наблюдал за дракой двух старшеклассников. Драка была что надо.

Том Латц и Дэйв Шелленбергер держали в страхе всю школу. Обычно они дружно шпыняли какого-нибудь беднягу, но сейчас что-то не поделили. Забавно: эта картина напомнила Льюису битвы богов и героев, о которых он читал в Илиаде серии «Классика в комиксах».

– Вот тебе! Так нравится? – Том швырнул Дэйву в лицо горсть камней.

Тот метнулся к сопернику, и ребята, сцепившись, повалились на землю и принялись отчаянно лупить друг друга, катаясь по земле и выкрикивая ругательства. Льюис, заметив, что битва опасно приблизилась, отступил в тень аллеи, которая проходила между школой и соседней протестантской церковью.

Обычно Льюис на пушечный выстрел не подходил к таким потасовкам. Он был пухлым, круглолицым и ходил в одном и том же коричневом свитере и мешковатых вельветовых брюках, что делало его похожим на взмыв воздушного шара. А может и не делало, но однажды ему так сказала тетя Мэтти, и Льюису крепко запомнилась фраза: взмыв воздушного шара. Его руки были гладкими и мягкими, и добиться мозолей не получалось, даже если потереть наждачкой. Когда он напрягал мышцы, ничего не менялось. Льюис боялся драться и боялся получить пинков.

Зачем же он тогда смотрел на драку самых сильных парней в школе? Дело в том, что на площадку вела задняя дверь школы, и именно здесь Роза Рита просила ее подождать, а раз она попросила, значит, придет.

Роза Рита Поттингер – лучшая подруга Льюиса. Ее оставили после уроков в наказание за то, что она огрызалась на мисс Хэггерти, учительницу шестого класса. Роза Рита была на год старше Льюиса, но училась с ним в одном классе, и это было здорово.

Льюис ходил взад-вперед по темной аллее. «Почему ее так долго нет?» – гадал он, то и дело нервно поглядывая на драку. А вдруг те двое устанут бить друг друга и решат взяться за него?

– Льюис, привет!

Мальчик подпрыгнул и обернулся. Роза Рита!

Подруга была на голову выше Льюиса и носила очки. По плечам струились темные длинные пряди. Черную плюшевую шапку украшала брошь-гвоздик и много-много пуговиц с мультяшными рисунками – такие когда-то клали в качестве сюрпризов в пачки хлопьев.

Роза Рита всегда ходила в этой шапке.

– Привет, – ответил Льюис. – Много заставили делать?

Девочка пожала плечами:

– Да так. Ладно, пойдем. Хочется уже добраться до дома и переодеться во что-нибудь нормальное.

Это было вполне в духе Розы Риты. В школу ей приходилось носить юбку и блузку, но стоило только сделать шаг за порог, как она тут же бежала домой, чтобы натянуть синие джинсы и кофту. Роза Рита была пацанкой: она любила всякие мальчишеские занятия, например, рыбачить, лазать по деревьям или играть в бейсбол. Льюису ничего такого особо не давалось, но он любил наблюдать за подругой, а ей в свою очередь нравилось гулять с ним. Они подружились в апреле, а сейчас уже шел сентябрь.

Ребята побрели по аллее. Роза Рита заметила, что Льюис несет в руке бумажный пакет.

– Что это у тебя? – спросила она.

– Шляпа, как у Шерлока Холмса.

– О, ничего себе!

Роза знала, что у друга есть шляпа Шерлока Холмса: дядя подарил ее Льюису на четвертое июля, в День независимости. Но все равно заинтересовалась:

– И зачем ты несешь ее в пакете?

– Хочу пройти в ней по главной улице, только сначала нужно посмотреть, чтобы когда я ее надену, рядом не было детей.

Роза Рита уставилась на него:

– То есть, ты ее вытащишь, наденешь, а потом опять спрячешь в пакет?

– Ну да… – ответил Льюис. Он смутился.

Роза Рита выглядела всерьез озадаченной.

– Ну, раз ты так боишься, – заметила она, – зачем вообще ходить в этой шляпе по главной улице? Ведь там нас наверняка увидит куча народу.

– Я знаю, – с упрямством в голосе проговорил Льюис. – Я не боюсь показаться в шляпе перед взрослыми. Просто не хочу, чтобы какой-нибудь малолетний умник ее украл.

Девочка с пониманием улыбнулась. Она знала, что Льюиса вечно донимали задиры.

– Ладно, ладно, – сказала она. – В конце концов, это твоя шляпа. Пойдем.

Друзья прошли по аллее и пересекли квартал, за которым начиналась Мэйн-стрит. Они жили в маленьком городке, где главная улица длилась всего три квартала. Вдоль нее тянулись аптеки, лавки «Все по десять центов», магазины одежды, рестораны и бары. Они дошли до магазина «Все по десять центов». Там Льюис остановился и быстро осмотрелся по сторонам.

– Думаешь, здесь нормально, Роза Рита? Детей поблизости не видно… – мальчик принялся теребить край сумки.

Роза Рита разозлилась:

– Ой, Льюис, брось! Не глупи! Значит, так. Мне нужно зайти в магазинчик и купить карандашей, бумаги и всякого такого. Потом я пойду домой переодеться. Встретимся дома у твоего дяди. Идет?

Не успел Льюис ответить, как ее и след простыл. Он немного рассердился на подругу и почувствовал себя глупо. Мальчик осмотрелся еще раз. Никаких хулиганов поблизости не было. Отлично. Он достал шляпу и наконец надел ее.

Шляпа была хороша: зеленая, клетчатая, с жесткими козырьками спереди и сзади и ушами, завязанными наверху. Надев ее, Льюис почувствовал себя умным и храбрым, как Шерлок Холмс, выслеживающий злодея в лондонском тумане. Мальчуган снова огляделся и решил идти так до музея Великой Республиканской армии, располагавшейся как раз в трех кварталах. За столь короткую прогулку никто не успеет ему ничего сделать.

Опустив голову, Льюис шел по улице и смотрел, как под ногами убегает назад тротуар. Некоторые взрослые, завидев его, поворачивались и провожали мальчишку удивленными взглядами. Он замечал их краем глаза, но старался не обращать внимания. У него захватывало дух от чувств, которые вызывал простой головной убор: с одной стороны, он гордился тем, что может надеть такую шляпу, с другой стороны – стеснялся, что носит ее. И как он будет счастлив, когда доберется до конца улицы!

Едва Льюис миновал аптеку, как услышал противный ехидный голос: «Ох! Мне бы такую шляпку!»

Льюис остановился как вкопанный. Это был Вуди Минго.

Льюис до смерти боялся Вуди. Ему казалось, что даже Дэйв Шелленбергер и Том Латц дважды подумают, прежде чем связываться с ним. Дело было не в росте или силе Вуди – напротив, паренек был невысоким и жилистым, – но он был крепким, а в кармане носил нож. Ходили слухи, что он угрожал им одноклассникам и пугал детей во дворе.

Льюис отступил. По спине у него пробежал холодок.

– Брось, Вуди, – промямлил он. – Я никогда не делал тебе ничего плохого. Оставь меня в покое.

Вуди хихикнул:

– Дай-ка рассмотрю эту шапку, – оскалился он, протягивая руку.

– Пообещай, что вернешь.

– О, да. Естественно. Обещаю.

Сердце у Льюиса сжалось. Он знал, чем грозит подобный тон: больше он свою шляпу не увидит. Льюис огляделся, нет ли поблизости взрослых, которые смогут прийти на помощь. Их не оказалось. Эта часть улицы была пуста, как в воскресное утро.

– Ну дай, дай посмотрю, – Вуди сгорал от нетерпения.

На глазах Льюиса выступили слезы. Что делать? Бежать? Далеко он не убежит. Как и большинство полных детей, бегал Льюис очень медленно. Он сразу начинал задыхаться, потеть, у него кололо в боку. Вуди догнал бы его, отобрал шляпу и хлестал бы по плечам, пока те не начали пылать. Льюис с грустью снял шляпу и отдал задире.

Тот, все так же противно улыбаясь, повертел убор в руках, надел и поправил козырек.

– Ого, я теперь вылитый Шерлок Холмс, как в кино. Ну, пока, пухлячок. Спасибо за презент! – Вуди повернулся и неторопливо зашагал прочь.

Льюис стоял и смотрел ему вслед. Слезы текли по лицу, колени дрожали, а руки сжимались в кулаки.

– Отдай мою шляпу! – вдруг крикнул Льюис. – Я все расскажу полиции, и они посадят тебя в тюрьму на сто лет!

Паренек не ответил. Он медленно, покачиваясь, уходил вдаль. Он знал, что Льюис ничего ему не сделает.

Мальчик, не глядя по сторонам, побрел вперед. От слез он не разбирал дороги, и лишь когда вытер глаза, обнаружил, что оказался в крошечном парке Ист-энд в восточной оконечности Мэйн-стрит. В парке был разбит цветник, обнесенный невысокой железной оградкой, и стояли скамейки. Льюис сел на одну из них и запрокинул голову, стараясь остановить слезы. Почему он не родился таким сильным, как другие? Почему все задирают именно его? Так нечестно!

Он сидел на скамейке довольно долго, потом резко выпрямился, запустил руку в карман и вытащил часы. Опоздал! Он ведь пригласил Розу Риту на ужин и должен был встретить ее дома. Ей, конечно, нужно было переодеться, но Роза Рита всегда все делает быстро. И сейчас, наверное, уже сидит у него на крыльце. Льюис вскочил и поспешил домой.

Льюис успел запыхаться, пока добрался до своего дома № 100 по Хай-стрит. Роза, конечно, уже сидела с дядей на полосатой зеленой качели. Они пускали мыльные пузыри.

Дядя Джонатан сосредоточенно дул в свою пенковую трубку: из нее рос пузырь. Он все увеличивался и увеличивался, пока не стал размером с грейпфрут. Потом шар оторвался от трубки и медленно поплыл в сторону Льюиса. Сантиметрах в семи от лица пузырик остановился и начал крутиться вокруг своей оси. На его поверхности, расчерченной колыхающимися линиями, мальчик увидел отражение Розы Риты, растущего в саду каштана, себя, высокий каменный особняк, в котором он жил, и смеющееся лицо рыжебородого дяди Джонатана.

Льюису очень нравился его дядя. Мальчик прожил у него чуть больше года. До этого он жил в Милуоки с родителями. Потом его мама и папа погибли в автокатастрофе, и летом 1948 года Льюис переехал в Нью-Зибиди в штате Мичиган.

Пузырь лопнул, обрызгав мальчика. Тот вытер лицо рукавом. Кажется, пузырь был не мыльный. Это явно была пена для бритья. Фиолетовая.

Шутники засмеялись. Дядя Джонатан обожал показывать фокусы, в этом деле он был мастак. Дядя был волшебником, настоящим живым волшебником с таинственными силами. Розу Риту посвятили в тайну почти сразу, как она подружилась с Льюисом. И девочка совсем не испугалась: мало того, ее, кажется, вообще нисколько это не обеспокоило. Она утверждала даже, что дядя

Джонатан будет ей нравиться, даже если окажется ненастоящим волшебником.

Мальчик все еще посмеивался над трюком с пеной для бритья, как вдруг услышал знакомый голос:

– Льюис! Прекрасно выглядишь!

Паренек поднял глаза. В дверях стояла миссис Циммерманн и протирала тарелку лиловым полотенцем. Миссис Циммерманн жила по соседству, но Барнавельтам приходилась почти что близкой родственницей.

За ней водились странности. Во-первых, она слишком уж любила фиолетовый. Ей нравилось все фиолетовое, от фиалок ранней весной до красно-фиолетовых Понтиаков. А еще она была настоящей ведьмой. Не злобной ведьмой в черной шляпе, с метлой и зловещим смехом, а дружелюбной, симпатичной соседкой с магическими способностями. Она применяла их не так часто, как Джонатан, но Льюис знал, что миссис Циммерманн сильнее, чем его дядя.

Льюис еще раз протер лицо.

– Совсем не прекрасно, миссис Циммерманн! – крикнул он ей. – Вам так кажется, потому что я весь фиолетовый.

Миссис Циммерманн усмехнулась:

– Ну, может быть и так. Но выглядит все равно мило. Иди умывайся. Ужин готов.

Садясь за стол, Льюис вдруг вспомнил, что ему сейчас полагается чувствовать себя несчастным.

– Я совсем забыл о своей шляпе! – ахнул он.

Роза Рита покосилась на приятеля:

– Да, и правда. Что с ней случилось? Прошелся в ней по кварталу?

Льюис уставился на скатерть.

– У меня ее Вуди Минго отобрал.

Роза Рита перестала улыбаться.

– Сочувствую, – искренне сказала она.

Джонатан глубоко вздохнул и отложил нож и вилку:

– Я же говорил тебе не носить ее на улице, Льюис. С ней можно играть только дома. Ты ведь знаешь, какими бывают дети.

– Знаю, – печально согласился Льюис. Он отправил в рот ложку картофельного пюре и принялся задумчиво жевать.

– Мерзкий поступок, – сердилась Роза Рита. – Может, если бы я не ушла, этого бы не случил ось.

От ее слов Льюису стало еще хуже. Мальчики должны защищать девочек, а не наоборот.

– Я могу сам о себе позаботиться, – пробормотал он.

Несколько минут они ели в полной тишине. Каждый смотрел в свою тарелку и молча жевал. Над столом повисла пелена уныния.

Джонатан, как и все, сверлил взглядом скатерть. Но, в отличие от остальных, он ломал голову над тем, как всех развеселить. Вдруг он стукнул кулаком по столу. Тарелки загремели, а с сахарницы свалилась крышка. На дядю поднялись три пары глаз.

– Что такое? – спросила миссис Циммерманн. – Муравья, что ли, заметил?

– Нет, ничего такого, – улыбнулся Джонатан. Теперь, когда все смотрели на него, весельчак сложил руки на груди и уставился в пространство.

– Льюис? – окликнул он племянника.

– Да, дядя Джонатан?

Волшебник все так же смотрел в пустоту, но улыбка его сделалась еще шире.

– Не хочешь посмотреть, что лежит в дорожном сундуке дедушки Барнавельта?

Глава вторая

У Льюиса отпала челюсть. Большой тяжелый сундук дедушки Барнавельта, всегда запертый, стоял у кровати Джонатана. Дядя говорил, что не открывал его уже лет двадцать, а то и больше, и племянник вечно мучил его просьбами хоть глазком туда заглянуть. И теперь ему выпал такой шанс! Мальчик едва не запрыгал на месте, Роза Рита тоже выглядела взволнованной.

– Ух ты, дядя Джонатан! – вскрикнул Льюис. – Вот было бы здорово!

– Еще как! – согласилась Роза Рита.

– Согласна, – добавила миссис Циммерманн. – Я так вообще старушка любопытная и сюрпризы люблю.

– Да, это точно, метелка, – заявил Джонатан. – Пронырливая, я бы сказал. Ответь-ка вот на какой вопрос: сначала мороженое и печенье или сперва откроем сундук? Кто за сундук, поднимите руки.

Льюис и Роза Рита хотели было проголосовать за таинственный клад дедушки Барнавельта, но потом вспомнили, что печенье пекла сама миссис Циммерманн. Вдруг ей будет обидно, если они отложат десерт на потом? Ребята опустили руки.

Миссис Циммерманн глянула на детей и замахала вытянутой вверх ладонью.

– Учитель, можно, я скажу? – прохныкала она высоким голосом.

– Конечно. Говори, – с улыбкой подыграл Джонатан.

– Если ты не поможешь мне сейчас же принести сюда сундук, я тебя в мусорную корзину с карандашными опилками превращу, ясно тебе?

– Ладно, ладно! – рассмеялся Джонатан, отдав честь.

Взрослые встали и пошли наверх.

А Льюис и Роза Рита направились в кабинет. В ожидании они принялись листать книги и выводить рисунки на пыльном письменном столе. Вскоре ребята услышали хлопок двери, жуткий грохот и громкий вскрик, за которым последовали приглушенные ругательства. Наконец сундук спустили вниз. Джонатан придерживал ларь одной рукой и посасывал костяшки пальцев на другой: попытка вписать громоздкий ящик в узкий поворот окончилась ссадинами.

– А вот и мы! – оповестила ребят миссис Циммерманн. Волшебница опустила на пол свой край сундука и вытерла лицо фиолетовым платком. – Чего твой дедуля сюда напихал, Джонатан? Пушечных ядер?

– Почти, – ответил бородач. – Так, осталось найти ключ… Интересно, где он?

Джонатан почесал кустистую рыжую бороду и уставился в потолок.

– Только не говори, что ты его потерял! – воскликнула миссис Циммерманн.

– Ничего я не потерял. Просто не помню, где он. Подождите полминутки, – дядя вышел из комнаты, и до компании донеслись шаги вверх по лестнице.

– Ох, как бы не хотелось, чтоб он потерялся, – пробормотал Льюис, который всегда приходил в уныние, как только что-нибудь шло не так.

– Не беспокойся, – сказала миссис Циммерманн. – В крайнем случае, твой дядя прострелит замок револьвером дедушки Барнавельта времен Гражданской войны… если, конечно, хранится он не в этом сундуке.

Пока Джонатан искал ключ, Льюис и Роза Рита со всех сторон рассмотрели ларь. Из-за выгнутой крышки он напоминал пиратский сундук, но вообще это был пароходный кофр, какие брали с собой в путешествия за океан. Дерево было обтянуто крокодиловой кожей. Крышку украшали три широкие полоски чеканной меди. Со временем они изменили цвет и стали ярко-зелеными. Застежка, тоже медная, своими вмятинами походила на лицо ребенка с замочной скважиной вместо рта.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Джонатан наконец вернулся. В руке у него поблескивал железный ключик с картонной биркой.

– И где он в итоге оказался? – поинтересовалась миссис Циммерманн, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

– Где? – гаркнул Джонатан. – Где? Именно там, где в первую очередь решишь поискать: на дне вазы, полной пятицентовиков с головой индейца.

Дядя опустился на колени и сунул ключ в замок. Льюис, Роза Рита и миссис Циммерманн столпились у него за спиной. Старая замочная скважина проржавела, и ключ удалось провернуть с трудом. Мужчина осторожно поднял ненадежную ветхую крышку.

Льюису и Розе Рите сразу бросилась в глаза внутренняя часть обивки: изнутри крышка была оклеена выцветшими розовыми обоями, поверх которых кто-то, – наверное, ребенок – приляпал фотографии. Снимки выглядели так, будто их вырезали из очень старого журнала. Льюис и Роза Рита заглянули в сундук. Под толстым слоем мелкого песка виднелись свертки, обернутые газетной бумагой и перевязанные бечевкой. Сверху лежали самые крупные: продолговатый, тонкий, изогнутый кулек, рядом – плоский квадратный. Несколько громоздких упаковок. Газеты пожелтели от времени, бечевка местами истлела, и некоторые обертки раскрылись.

Джонатан сунул руку в сундук и начал раздавать посылки.

– Держите. Вот тебе, Льюис, а вот тебе, Роза Рита. Смотри-ка, старушенция, и даже для тебя кое-что есть!

– Ха! – ответила миссис Циммерманн, развязывая узелок. – Спорим, для себя приберег самое интересное?

Льюису достался длинный изогнутый сверток. Сорвав бумагу с края, мальчик увидел потускневшую медную рукоять.

– Ого! – воскликнул он. – Настоящий меч!

Мальчик спешно разорвал оставшуюся обертку и принялся размахивать мечом. К счастью, тот был в ножнах.

– Получай, гнусный веролом! – воскликнул Льюис, делая выпад в сторону Розы Риты.

– Эй, сэр Эктор[1 - Сэр Эктор – приемный отец короля Артура и рыцарь Круглого стола. (Здесь и далее прим. ред.)], поаккуратнее там! – одернул племянника Джонатан. Льюис застыл и пристыженно посмотрел на дядю. Через секунду все, включая Льюиса, рассмеялись.

– Мог бы и догадаться, что будет, если вложить меч в руки одиннадцатилетнему мальчику, – пожурила Джонатана миссис Циммерманн. – Дай-ка взглянуть.

Льюис протянул меч волшебнице. Слегка дернув рукоять, она наполовину вытащила меч из ножен. Потускневший клинок неярко поблескивал в свете лампы.

– Чей это меч? – спросил Льюис.

– Дедушки Барнавельта, – ответил Джонатан. – Это кавалерийская сабля – видно по изгибу и весу, что довольно тяжелая. Убери в ножны, Флоренс. Мне неуютно рядом с обнаженными клинками.

Льюис кое-что знал о дедушке Барнавельте. Его имя было выбито на монументе в память о жертвах Гражданской войны, и Джонатан иногда рассказывал

истории о старом Барнавельте, которые только разжигали в Льюисе любопытство.

– Дедушка Барнавельт ведь был лансьером?

– Именно, – подтвердил Джонатан. – Роза Рита, открывай свой сверток.

Девочка держала что-то небольшое и мягкое. Она сняла бечевку, развернула бумагу, и в ее руках оказалась стопка ветхой одежды. Сверху – синяя рубашка, которая так долго лежала свернутой, что теперь не расправлялась, под ней – пара мешковатых красных штанов и красная войлочная феска, на которой золотыми нитями было вышито: Пятый мичиганский взвод огненных зуавов.

– А что это за Пятый мичиган… кто они? – удивилась Роза Рита.

– Придурки, – отрезала миссис Циммерманн. – Все их полчище – сборище идиотов.

– Да, верно, – сказал Джонатан, поглаживая бороду. – Но я думаю, Роза Рита рассчитывала на другой ответ. Во-первых… А может, Льюис расскажет? Он наверняка что-то читал о лансьерах.

– Это кавалеристы с длинными копьями, – с готовностью объяснил Льюис, – которыми они протыкали вражеских солдат.

– Если успевали подобраться достаточно близко, – добавил Джонатан. – Видишь ли, Роза Рита, копейщики были своего рода пережитком Средневековья, тех памятных времен, когда рыцари копьями сбивали друг друга с лошадей. А во времена Гражданской войны лансьерам приходилось идти с копьями на солдат с мушкетами, винтовками и пушками.

– И правда глупо, – покачала головой Роза Рита. – И зачем они это делали?

– Ну, точно не знаю, – признался Джонатан, – но наверное, им казалось, что пехота противника придет в ужас, завидев длинные копья, хлопающие вымпелами, и яркую форму.

– И как? – уточнил Льюис.

Джонатан растерялся:

– Что – как?

– Они правда вселяли ужас во врага?

– А! Ну, да, иногда получалось. Но обычно солдаты с мушкетами и винтовками разделывали лансьеров под орех. Прямо как в сражении при Спотсильвейни[2 - Сражение при Спотсильвейни – битва 1864 года между южанами и северянами во время Гражданской войны в США.]: Пятый Мичиганский полк бросился в атаку и пал, выжили только дедушка Барнавельт и некий Уолтер Финцер. И то, только потому, что в бой так и не вступили.

У Льюиса от разочарования вытянулось лицо. Он-то представлял себе, как его прадедушка храбро рубит и пронзает противников, пробивая путь сквозь вражеские ряды.

– А почему он не вступил в бой? – спросил мальчик.

– Что ж, Джонатан. Расскажи, – усмехнувшись, влезла миссис Циммерманн – она знала эту историю наизусть, но даже в тысячный раз послушать было забавно.

– Дело было так, – начал Джонатан. Он прочистил горло, сложил руки и устроился в позе, в которой обычно рассказывал истории. – Твой прадедушка, Льюис, был не самым храбрым человеком в мире. Думаю, он вступил в Мичиганские лансьеры, потому что ему понравилась красивая форма. Но чем ближе было к битве, тем страшнее ему становилось. Сражение при Спотсильвейни должно было стать его первым, пробным боем. Ну и вот. В ночь перед сражением, сидя у костра, дедушка Барнавельт играл в покер с сослуживцами, и с картами ему очень везло. Наверное, собрал Фулл-хаус или каре[3 - Выигрышные комбинации карт в покере.]. В игре к тому моменту остались только он и Уолтер Финцер. Уолтер тоже был из Нью-Зибиди, и пришел в отряд примерно тогда же, когда и мой дедушка. То Финцер, то дедушка поднимали ставки, и наконец, когда на кону оказалось все до последнего цента, они поставили и свои мечи, и пистолеты. Тут дедушка снял золотой перстень и еще раз поднял ставку, а Уолтеру нечем было ответить. Он пытался одолжить

денег у товарищей, но его считали бездельником, и никто не дал ему ни цента. Уолтер уже был готов бросить карты и позволить дедушке забрать выигрыш, но тут старик Барнавельт спросил: «Как насчет счастливой монетки?»

– Счастливой монетки? – поинтересовался Льюис.

– Да, именно так. Видишь ли, дедушка сел играть в надежде, что сможет выманить у Уолтера счастливую монету. Я знаю, что мысль была не очень умная, но дедушка считал, что счастливая монета Финцера поможет ему пережить битву без единой царапины. Кто знает, с чего он это взял? Пилоты вот верят в оберегающую силу детских пинеток и кроличьих лапок. Дедушка слышал, как Уолтер хвастался этой монетой, и решил, что она и ему поможет, – Джонатан грустно улыбнулся. – Я думаю, дедушка так боялся, что готов был поверить во что угодно, лишь бы не погибнуть на следующий день.

– Она была волшебная? – спросила Роза Рита. – Та монетка?

Джонатан усмехнулся:

– Нет, боюсь, что нет. Но дедушка так считал, а как раз это и важно. Так вот, Барнавельт предложил Уолтеру поставить монетку, а Уолтер отказался. Уолтер был человеком упрямым и довольно глупым, и с монеткой расставаться не хотел. Но конце концов, друзья убедили его поставить ее на кон. Уолтер и дедушка раскрыли карты, и Барнавельт выиграл. Уолтер пришел в ярость.

Он кричал, вопил, топал и ругался, а когда дедушка начал сгребать выигрыш, выхватил из чьей-то кобуры пистолет и выстрелил ему в ногу.

– Кошмар! – воскликнула Роза Рита. – И что, дедушка Барнавельт умер?

– Нет, но из-за раны уже не мог выйти в бой. А Уолтера сразу же арестовали и вскоре с позором выгнали из армии. Дело могло обернуться еще хуже, но дедушка умолял пожалеть Финцера. Как видите, старик Барнавельт был

человеком мягким и добрым. Ему на войне и делать было нечего.

Джонатан откинулся на стуле и прикурил трубку. Миссис Циммерманн и Льюис пошли на кухню и принесли шоколадное печенье с мороженым. Вдруг, когда все уже приступили к угощению, Льюис поднял глаза и спросил:

– А монету дедушка забрал? Она где-то здесь?

Джонатан засмеялся.

– Конечно, забрал! Он повесил монету на цепочку и каждому новому знакомому рассказывал эту историю. В детстве я уже не мог ее слушать.

– А можно посмотреть? – попросил Льюис.

Джонатан удивился.

– Посмотреть? Да, если только я ее найду. Мне кажется, монетка должна валяться в этом сундуке. Как думаешь, Флоренс?

– Откуда мне знать? Это же твой сундук. Давай посмотрим.

Джонатан, миссис Циммерманн, Льюис и Роза Рита устроились у старого сундука и принялись поочередно вынимать и разворачивать свертки. В них обнаружились: цилиндр и черный, протертый до блеска на локтях, сюртук, несколько книг, три или четыре альбома старых фотографий и настоящее пушечное ядро. Наконец сундук опустел, на дне остались только пыль и мертвые жучки. И еще маленькая ветхая деревянная коробочка.

– Спорим, она там! – воскликнул Льюис.

– Вряд ли, – сказал Джонатан. – Но давайте проверим.

Он протянул руку и вытащил находку. Замка не было, и крышка легко снялась вместе с петельками. Внутри были старые очки без оправы, почерневшая трубка для табака и тяжелая цепочка от часов. На цепочке висела маленькая серебряная монетка.

– Смотрите! Она тут! – Льюис осторожно, будто горстку бриллиантов, вытащил цепочку из коробки. Они с Розой Ритой принялись рассматривать монет у. Выглядела она странно – меньше и тоньше, чем десять центов.

На одной стороне была изображена римская цифра III. На другой – шестиконечная звезда с полосатым щитом посередине. Надпись по краю гласила: Соединенные Штаты Америки, а под звездой стояла дата – 1859.

– Что это за монета? – спросил Льюис. Он такой никогда не видел.

– Это американские три цента, – сказала миссис Циммерманн. – Ее все должны знать.

Роза Рита засмеялась:

– Да ладно вам, миссис Циммерманн! Вечно вы шутите. Монета одна, а цента – три?

– Да, именно так. Она крупнее обычной, потому что старая, но такие монеты не редки.

– Зачем кому-то понадобились трехцентовые монеты? – спросил Льюис. – Не проще было бы взять вместо них три по одному центу?

– Это нужно спрашивать у монетного двора, – улыбнулся Джонатан. – Когда-то в ходу были и полцентовики, и два цента одной монеткой, и серебряные пятицентовики, и чего только не чеканили. В общем, в этой монетке нет ровно ничего интересного, как и говорит миссис Циммерманн, кроме участия в истории, которую я только что рассказал.

Льюис посмотрел на монету и представил, как она лежит рядом с кучей из денег, мечей и пистолетов, освещенная красными всполохами костра. Вот Уолтер Финцер хватает пистолет и стреляет в старика Барнавельта. Из-за этой монеты пролилась кровь. Льюис много читал и знал истории о королях, которые сражались и убивали друг друга из-за таких вот мелочей. Из-за корон, драгоценностей и кусочков золота. Льюису казалось, что монета будто явилась из этих старых сказаний.

Льюис посмотрел на Джонатана:

– Дядя, а ты уверен, что монетка не волшебная?

– Да, настолько, насколько возможно быть не волшебным, Льюис. Но чтобы уж наверняка, давайте спросим у миссис Циммерманн? Она все-все знает о магических амулетах и талисманах, и, наверное, может определить волшебную монету на ощупь. Ты ведь можешь, Флоренс?

– Мог у. На экзамене в Геттингенском университете, когда я получала докторскую степень по магии, мне нужно было потрогать предмет и сказать, зачарованный он или нет. Дайте попробую.

Льюис протянул монету миссис Циммерманн. Та потерла ее пальцами, а затем несколько минут задумчиво разглядывала. Потом монетка вернулась к Льюису.

– Не хочется тебя расстраивать, Льюис, – покачала головой волшебница. – Но похоже, это просто кусок металла. Будь монета магической, я бы почувствовала… что-то вроде покалывания. Но ничего такого нет. Это просто старая монетка.

Льюис с грустью посмотрел на монету в своей ладони. Затем повернулся к дяде и спросил:

– Можно оставить ее себе?

Джонатан рассеянно моргнул:

– М?

– Я говорю, можно я оставлю ее себе?

– А! Конечно. Забирай, она твоя. Сохрани, как память о Гражданской войне, – Джонатан похлопал Льюиса по плечу и улыбнулся.

Поздно ночью, когда Роза Рита и миссис Циммерманн ушли домой, а Джонатан лег спать, Льюис сел на край кровати и принялся рассматривать монету. Жаль, что она не оказалась волшебной! Иначе это мог быть амулет храбрости и силы или защиты от врагов. Как булавка, которую перед боем цеплял к рубашке древний Король Ирландии. Пока с ним была эта булавка, его не могло поразить оружие. Льюису нравилась эта история. Он никогда не сражался с мечом и щитом, и проигрывал во всех драках, в которые ввязывался, но, возможно, с таким амулетом он бы побеждал. Может быть, с таким талисманом ему не пришлось бы отдавать шляпу Шерлока Холмса этому Вуди Минго.

– Ну, а что поделать, – вздохнул Льюис. Он спрятал монету в ящик прикроватной тумбочки, выключил свет и лег спать.

Льюис улегся в постель, но уснуть не получалось. Он лежал, ворочался и думал о Вуди, шляпе, как у Шерлока Холмса, старике Барнавельте, Уолтере Финцере и монетке в три цента. А потом просто лежал и слушал звуки дома: тикали часы, из крана в ванной капала вода, раздавались щелчки и скрипы, которыми обычно наполняются старые дома, прежде чем затихнуть на ночь.

Хлоп-хлоп. Льюис подскочил на кровати. Звук был знакомый. Очень знакомый, но ночью его не услышишь: хлопнуло почтовое окошко.

Во входной двери дома Льюиса была щель, устроенная специально для почты. Ее обрамляла железная рамка с навесной металлической крышкой. Когда почтальон поднимал крышку, чтобы просунуть письмо, она издавала этот звук: хлоп-хлоп. И Льюис, и дядя Джонатан любили получать письма, и, едва заслышав хлопок почтового окошка, бежали к двери из любого уголка дома. Почтальон любил поговорить, поэтому у их дома оказывался только к половине третьего. Но, насколько знал Льюис, почту никогда не приносят в полночь.

Мальчик просидел в нерешительности несколько минут. Затем встал с кровати, надел тапочки и халат и спустился вниз, в прихожую. Там, на полу, прямо под почтовым окошком, лежала открытка.

Льюис поднял открытку и поднес ее к окну. Бледный свет полной луны лился в дом. Его вполне хватило, чтобы разбирать надписи, но читать ничего не пришлось. На открытке не было ни слова.

Льюис стало не по себе. Что все это значит? Он перевернул открытку и с облегчением обнаружил печать и адрес. Но печать казалась очень уж старой, а марка была такой мутной, что Льюис не мог разобрать, откуда прислали открытку. Адрес написали аккуратным почерком с причудливыми завитками:

Мистеру Льюису Барнавельту, дом № 100, Хай-Стрит, Нью-Зибиди, Мичиган.

Обратного адреса не было.

Льюис стоял в лунном свете с открыткой в руке. Неужели, Роза Рита специально встала посреди ночи, чтобы его разыграть? Может быть, но вряд ли. Льюис снова перевернул открытку и широко раскрыл глаза от удивления: там, где еще секунду назад ничего не было, начала проявляться надпись.

Руки Льюиса задрожали. Он читал про невидимые чернила – письмо нужно было посыпать специальными порошками или подержать над огнем, и только тогда проступали буквы. Но эта надпись появилась сама по себе!

Льюис понял, что здесь написано. Он немножко умел читать по-латыни. Когда-то он был алтарником, и кое-что помнил с тех времен. «Venio» значило «Я иду». Льюису вдруг стало страшно. Он испугался один стоять в коридоре и бросился через зал, чтобы включить свет. Вдруг открытка выпала из его руки. Ощущение было такое, будто ее кто-то вырвал. Льюис запаниковал и бросился к выключателю. Теплый желтый свет залил прихожую старого дома. Вокруг никого не было. Открытка исчезла.

Глава третья

На следующее утро, едва проснувшись, Льюис пошел вниз искать таинственную открытку.

Он заглянул под ковер и в щели между половицами. Он обследовал высокую вазу с синим узором, которая служила дяде Джонатану подставкой для тростей.

Льюис обшарил все. Открытки не было. Трещины в полу были слишком узкими, и завалиться в одну из них она не могла, да и вылететь через почтовое окошко тоже. Куда же она делась?

Льюису не хотелось рассказывать дяде Джонатану об этом странном происшествии. Но жуя за завтраком хлопья, он вдруг придумал логичное объяснение произошедшему: открытка, наверное, была одной из волшебных проделок его дяди.

Льюис жил в доме практикующего волшебника уже больше года, и за это время привык к чудным вещам, звукам и происшествиям. В зеркало на вешалке для пальто редко когда можно было увидеть свое лицо. Куда чаще в нем разворачивалась панорама римских руин, пустынь, пирамид Майя или видов на аббатство Мелроуз в Шотландии. В передней приемной стоял орган, который проигрывал рекламу с радио. А старые витражные окна время от времени сами по себе изменялись. Может быть, призрачная открытка – тоже одна из шуточек Джонатана? Льюис мог бы напрямую спросить обо всем дядю Джонатана. Но не стал. Если его догадка не была верной, знать об этом он не хотел.

Однажды в середине октября, Льюис решил после обеда вернуться в школу пораньше. Обычно он просиживал полуденный час дома, потому что боялся, что его побьют. Но сегодня Роза Рита уговорила его поторопиться.

Льюис и Роза Рита долго обсуждали его страхи. Подруга пыталась убедить его, что единственный способ одолеть страх – это встретиться с ним лицом к лицу. Именно поэтому сразу после обеда парнишка заставил себя пойти на школьную площадку. Первый раз тяжело, второй будет легче, и так далее… Так говорила Роза Рита. Сначала Льюис упрямился, но потом согласился попробовать. Чтобы ему было проще, Роза Рита пообещала встретить его в переулке неподалеку от школы. Она убедила его, что Льюису нет нужды играть в футбол и в другие игры. Они просто постоят и пообщаются, могут даже обсудить модель Римской галеры, которую строят из пробковой древесины. В общем, будет весело.

Подойдя к школе, Льюис заглянул в длинный узкий переулок. Розы Риты там не было.

Вдалеке раздавались визги играющих детей. Льюис осторожно побрел по аллее в сторону площадки. Он всегда боялся, что произойдет что-то внезапное и

неприятное, и иногда этот страх оправдывался.

Льюис прошел уже полпути, когда откуда-то слева до него донеслись какие-то звуки. Похоже на пыхтение и возню. Льюис обернулся и увидел, что в тени между опорами церкви дерутся двое детей. Это были Роза Рита и Вуди Минго.

Льюис стоял и смотрел, парализованный страхом. Вуди обхватил Розу Риту за талию одной рукой, а другой дергал ее за волосы. Дергал с силой, и, наверное, ей было очень больно. Но Роза Рита сносила это молча. Ее глаза были закрыты, а зубы стиснуты.

– Я сказал, – прорычал Вуди, – возьми свои слова обратно!

– Нет.

– Возьми свои слова обратно!

– Я сказала нет, и – ой! – и не возьму! Губы Вуди искривились в мерзкой ухмылке.

– Тогда вот тебе… – он резко дернул Розу Риту за волосы. Ее лицо исказилось, она стиснула зубы еще сильнее, но так и не закричала.

Льюис не знал, что делать. Бежать к директору? Или в полицию? Или попытаться самому справиться с Вуди? Он вспомнил о ноже у Вуди в кармане и испугался.

Тут Вуди заметил Льюиса и рассмеялся так же, как в тот раз, когда украл его шляпу.

– Эй, толстопузый! Не хочешь защитить свою подружку? – Вуди снова дернул Розу Риту за волосы, и она вздрогнула.

Девочка открыла глаза и посмотрела на Льюиса:

– Уходи, Льюис! – прошипела она. – Уйди прочь!

Но Льюис продолжал стоять, то сжимая, то разжимая кулаки. Он посмотрел на улицу, по которой медленно ползли машины. Потом на площадку, где дети играли, смеялись и верещали.

– Что, жирдяй? Хочешь врезать мне? Попробуй!

Льюис развернулся и побежал. Вниз по переулку, потом по улице, через перекресток и по Грин-Стрит в сторону дома. Он бежал по тротуару и слышал собственный плач. Добежав до середины Грин-Стрит, он остановился – выдохся. Болели бок, голова и хотелось умереть. Отдышавшись, он вытер слезы, высморкался и побежал домой.

Когда Льюис подошел, угрюмо топая по дороге, дядя Джонатан собирал листья на переднем дворе.

– Привет, Льюис! – крикнул он, радостно размахивая трубкой. – Из школы пораньше отпустили или…?

Лязгнули ворота. Пару секунд спустя хлопнула входная дверь. Джонатан бросил грабли и пошел посмотреть, что случилось.

Льюис плакал, положив голову на обеденный стол.

– Гад… ненавижу… убью… – повторял Льюис снова и снова.

Джонатан опустился в кресло рядом с племянником и обнял его.

– Ну же, Льюис, – мягко сказал он. – Успокойся. Что случилось? Скажи, что стряслось?

Льюис вытер слезы и несколько раз высморкался. Потом, медленно и сбивчиво, рассказал обо всем дяде:

– …и я убежал, и она больше никогда-никогда не станет со мной разговаривать… – Льюис снова разрыдался. – Лучше б я умер!

– Ох, сомневаюсь, что Рози вычеркнет тебя из круга своих друзей, – успокаивал его Джонатан, улыбаясь и похлопывая мальчика по плечу. – Она просто сама хотела разобраться, вот и все. Она настоящий сорванец, и если уж повздорила с Вуди, то, наверняка, решила, что справится сама.

Льюис повернулся и сквозь слезы посмотрел на Джонатана:

– Думаешь, она не возненавидит меня за то, что я трус и слабак?

– Ты не то и не другое, – возразил Джонатан. – А уж если бы Рози хотела завести болвана в качестве лучшего друга, то такого бы и нашла. Она очень упрямая девчушка и делает то, что хочет. И мне кажется, ты ей очень нравишься.

– Правда?

– Именно. Пойду дальше сгребать листья. Вечером разожжем костер на подъездной дорожке. А в понедельник напишу тебе записку, чтобы мисс Хаггерти не ругалась. А ты занялся бы моделью корабля.

Льюис с благодарностью улыбнулся дяде:

– Хорошо, дядя Джонатан. Спасибо тебе большое.

Льюис поднялся в свою комнату и до вечера погрузился в мир греческих и римских трирем[4 - Трирема – древнеримский военный корабль.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сэр Эктор – приемный отец короля Артура и рыцарь Круглого стола. (Здесь и далее прим. ред.)

2

Сражение при Спотсильвейни – битва 1864 года между южанами и северянами во время Гражданской войны в США.

3

Выигрышные комбинации карт в покере.

4

Трирема – древнеримский военный корабль.

Купить: https://tellnovel.com/shestakov_dzhon/siluet-v-teni

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити